

РОССИЯ ПРОТИВ ВСЕХ

ФИЛОСОФ АЛЕКСАНДР ДУГИН В ГОСТЯХ У «ЗАВТРА»

Окончание. Начало — на стр. 1

Александр ДУГИН. Сама телесность Модерна, его плотоядная зацепленность на материальности, вводит меня подчас в состояние бешенства. Плотин, говорят, очень не любил своё тело, раздражался уже от того, что оно у него есть. Вот у меня очень сходное отношение к низким аспектам жизни.

Но одновременно я испытываю сострадание к людям. Я считаю, что человек, даже если это урод, вырожденец, всё же заслуживает другого, у него есть другой выбор. "В каждом сердце, — говорил Ницше, — есть стремление к выше". И вот к этому "стремлению выше" я и обращаюсь, как бы помимо тех бесконечных пластов дегенерации, которые представляют собой историю последних пяти веков — историю Нового времени, историю секулярности, историю естественно-научного мировоззрения, демократии и "прогресса".

Это сострадание, однако, не распространяется на тех, кто стоит на страже, кто бдит, чтобы человек так и оставался в перевёрнутом состоянии; на тех охранников интеллектуального концлагеря, в котором мы живём в Новое время — на носителей тоталитаризма Нового времени. Сегодня тоталитаризм Модерна представляет преимущественно в либеральной форме. Вчера более броским и наглядным был коммунистический тоталитаризм или нацистский.

Но вчерашний тоталитаризм страшен как сон или тяжёлое воспоминание, а вот тоталитаризм настоящего времени — либеральный — он несёт в себе весь кошмар отчуждения, подавления, закрепощения человека в материи, технике, деньгах. Поэтому борьба с тоталитаризмом в наше время есть непримиримая борьба с либерализмом — как с идеологией, так и с её носителями.

Для тех, кто отштамповывает тоталитарные структуры мышления Нового времени — с пеной у рта, будучи вооружёнными новыми технологическими возможностями, стремясь подавить всякую альтернативную форму мышления, политики, культуры, философии, — для тех я опасен. И опасен гораздо больше, чем кто бы то ни было, потому что я ставлю под вопрос сами основания.

Довольно легко, борясь с либерализмом, попасть в капкан других идеологий всё того же западного Нового времени. Например, заняты коммунистические позиции и начать критиковать либерализм слева. Или обратиться к национализму, даже к фашизму — и обрушиться на либерализм справа. Но это, во-первых, прямое повторение прошлого; во-вторых, либерализм прекрасно с этими альтернативами справляется, а в-третьих — и это самое главное! — и коммунизм, и национализм являются продуктами картины мира Нового времени с её материализмом, секуляризмом, естественно-научным мировоззрением, "прогрессизмом" и т.д. А значит — они несут в себе тот же яд, что и либерализм. Мало изжить либерализм, надо преодолеть саму политическую, социальную, философскую парадигму Нового времени.

Моя же позиция — Четвёртая политическая теория (4ПТ). Она состоит в фундаментальной атаке на либерализм в его основаниях, но не впадая при этом ни в одну из антилиберальных (илилиберальных) идеологий европейского Модерна. Основопологающий жет 4ПТ есть отбрасывание либерализма вместе с коммунизмом и фашизмом. Вот этого-то либералы как раз и не ожидали. Такой поворот застал их врасплох. Они научились как то обходиться с коммунистами, как-то их укрощать, приструнить, одомашнивать. И современные левые послушно позабыли о классовой борьбе и сосредоточились на проблемах гендера, феминизма и мигрантах. Справились либералы и с нацистами — их они маргинализировали, демонизировали и превратили в монстров, после чего никакие крайние правые идеи никто объективно рассматривать просто не рискнёт.

А вот с носителями 4ПТ, которую я развиваю, либералы сталкиваются впервые. Эта теория илилиберальная, прямо и жёстко антилиберальная, но одновременно она антимодернская во всех отношениях, поэтому ни к коммунизму, ни к фашизму её свести невозможно. И конечно, от этого им тревожно. Так как способности вести аргументированную дискуссию с теми, кто думает отлично от них, они сегодня совершенно утратили.

Тем более я выступаю не только от себя, я привоку в качестве аргументов теории и идеи мыслителей и Запада, и Востока, жёстко критиковавших европейское Новое время. Собственно их работы и сделали такой подход возможным, предвосхитили его, заложили его основания. А это ведь лучшие умы и самой западной культуры. Если мы посмотрим на то, какой процент из самых ярких западно-европейских мыслителей и художников придерживался либеральных взглядов и был солидарен с судьбами капиталистической цивилизации, то он окажется ничтожно малым. Тем кем хвалятся Запад, чаще всего ненавидели капитализм и либерализм, атакуют его и с позиций прошлого, и с позиций будущего, и справа, и слева. Самая яркая и прекрасная сторона культуры Запада была во многом антизападной, и уж точно антисовременной.

Поэтому я не одиноко в 4ПТ, я опираюсь на огромное интеллектуальное наследие, в том числе и на русскую философию, которая тоже совершенно не западная, не либеральная, не современная. Это не подлежит сомнению в отношении русской религиозной философии, а другой у нас просто нет. Либо русская религиозная философия Соловьёва, Флоренского и Булгакова, либо никакой! Всё остальное — смехотворно.

Русскую религиозную философию подготовили ещё ранее В.Ф. Одовский, с кружком Любимово-шеллингианцев, и славянофилы. И снова речь шла о критике Запада, Модерна и либерализма. Их наследниками были поздние евразийцы. Конечно, они не такие большие философы, но с точки зрения интеллектуальных интуиций они заглянули в русскую идентичность глубже многих других. В их случае антизападничество и антилиберализм ещё ярые.

Всё русское — антилиберально, как слева, так и справа. Но не всё русское созрело до осмысления 4ПТ. Ничего, постепенно созревает и, уверен, в какой-то момент созреет.

Суммируя всё, я полагаю, что я заслужил — вернее, так: я хотел бы надеяться, что заслужил — это название "most dangerous philosopher in the world". Я несую его с гордостью. Меняతో этим уничтожить, унижить, раздвизать, осмеять, демонизировать, но, на самом деле, сделали мне комплимент.

"ЗАВТРА". Вас обычно характеризуют одновременно тремя категориями: как евразийца, как хайдеггерианца и как традиционалиста, в смысле последователя Гегена. Кто-то даже думает, что это одно и то же. Но другие считают, что это просто невозможно. И как вам удаётся это в себе совмещать, и действительно ли можно вас так охарактеризовать?

Александр ДУГИН. Это абсолютно так. Я бы расставил приоритеты таким образом.

Я, в первую очередь, традиционалист. То есть, Геген, Эвола, традиционалистская философия для меня являются абсолютным ориентиром. Я вижу себя только и исключительно на стороне традиционалистов, и я полностью разделяю все основные установки традиционализма.

Я хайдеггерианец, безусловно. Я открыл Хайдеггера очень давно — в восьмидесятые годы, и уже тогда начал его изучать. Я изучаю его всю жизнь. В этом отношении для меня Хайдеггер и вся феноменология, а через него Гуссерль, Брентано, а дальше вплоть до Аристотеля, которого я прочитал феноменологически вслед за Хайдеггером, Гуссерлем и Брентано, также есть путеводная звезда. Это невероятный источник вдохновения, поэтому я готов признать себя в полной мере хайдеггерианцем. Традиционалистом и хайдеггерианцем! И на это никак не влияет, что Эвола в "Оседлать Тигра" критикует Хайдеггера. На мой взгляд, это неглубокий, поверхностный анализ. На самом деле Хайдеггер не так далеко ушёл от традиционализма. Эвола был участником Консервативной Революции со стороны традиционалистов, Хайдеггер — со стороны немецких философов. В Консервативной Революции в целом, и у Хайдеггера, и у традиционалистов есть нечто общее, основополагающее общее. Это — радикальное отвержение Нового времени, в самой его сути, в его матрице.

Для меня и традиционалисты, и Хайдеггер являются провозвестниками и отцами-основателями 4ПТ, ведь 4ПТ основана прежде всего на радикальной и бескомпромиссной критике Модерна. 4ПТ в каком-то смысле это не что иное, как обобщение критики Нового традиционалистами и Хайдеггером.

Я убежден, что Хайдеггер, несмотря на своё отношение к национал-социализму, не может быть причислен к Третьей политической теории. Ничего подобного. При том, что Хайдеггер не испытывал никаких симпатий к марксизму и радикально отвергал либерализм (который он называл планетар-идеотизмом), необходимо учитывать и его глубокую и последовательную критику самого национал-социализма. В национал-социализме Хайдеггер отвергает всё то, что было в нём современным, модернистское: расизм, механицизм, атеизм, секулярность, Machenschaft, одержимость техникой. Об этом Хайдеггер ясно говорит в "Чёрных тетрадах", да и в других текстах. Он противопоставляет национал-социализму совокупность установок и идей, которые очень близки 4ПТ. Его критика национал-социализма — это критика ни справа и ни слева. Это критика сверху, то есть с позиции 4ПТ. Поэтому между традиционализмом и Хайдеггером больше общего, чем принято считать.

Но есть и некоторые различия, что совместить их не так трудно. Ведь у них есть общий знаменатель — фундаментальное отвержение Модерна. Нового времени, либерализма, демократии, материализма, секулярности, атеизма, марксизма и национализма. Кстати, очень важно, что национализм — это тоже буржуазное, западное, современное, атеистическое, секулярное, направление в идеологии и политике. И поэтому последовательный традиционалист не может быть националистом. Это, впрочем, прекрасно показал Эвола. Нации возникли как буржуазный симулякр Империи.

Теперь, что касается евразийцев. Я открыл евразийцев позже, чем традиционализм и Хайдеггера, и был поражён, насколько их интуиции и с точки зрения культурной, и с точки зрения цивилизационной, и с точки зрения философской, и с точки зрения геополитической (это вот очень важно!) идеально сочетаются с этими традиционалистскими антисоверменными (антимодернистскими) установками. При этом важно, что такая сходная политическая философия сложилась в контексте русской культуры, русской традиции.

Важно, что князь Н.С. Трубецкой, основатель евразийства, оказывавший был крупнейшим структурным лингвистом. Его ближайшим сподвижником был ещё один великий русский учёный лингвист и филолог — Роман Якобсон. То, что Н.С. Трубецкой был одновременно и главной фигурой евразийского течения, и одной из ярчайших фигур структурализма, не случайно. Евразийство ставит во главу угла качественное пространство, мосторазвитие, по П.Н. Шацкому. А это своего рода аналог структуре. Как язык предопределяет речь, так пространство предопределяет историю. Отсюда тезис "география как судьба" и важнейший концепт Евразии.

Всё это у меня постепенно сошлось, сложилось в общую картину. Параллельно прояснялась связь структурализма с феноменологией, что давало ещё один общий ракурс взгляда на евразийство как фундаментальную политическую философию, по сути — русскую версию 4ПТ.

Ещё один важнейший аспект — открытие евразийцами геополитики. Они были первыми среди русских мыслителей, открывших и осмысливших на свой лад идею Макиндера. В германском контексте нечто подобное осуществили Карл Хаусхофер и Карл Шмитт. И как немцы делали из противостояния Land Power и Sea Power свой вывод, также поступили и евразийцы. Для немецкой школы, более развитой, Heartland'ом, основой "континентального могущества" была сама Германия. А для евразийцев — Россия, что ещё более соответствовало модели самого Макиндера.

Евразийцы однозначно опознали русскую идентичность как ядро и оплот сухопутной цивилизации, согласившись с определением "оси истории". Но если Макиндер рассматривал Land Power, Евразию как объект, евразийцы настаивали, что Евразия есть субъект. А это меняло радикально атлантический взгляд на карту мира.

Евразийцы встали на сторону цивилизации Суши, наделили само это понятие историческим, интеллектуальным, философским содержанием. Фактически евразийцы бросили вызов современному миру с позиции и философии, и русской цивилизации, и геополитики, отождествив Атлантическую цивилизацию, Sea Power, с западноевропейским Модерном, с современным миром.

Это грандиозное открытие евразийцев, которое придало всей конструкции традиционализма и хайдеггерианства конкретное геополитическое воплощение. Этому я посвятил свою книгу, ставшую очень известной — "Основы геополитики". "Основы геополитики" стали платформой уже неоевразийства, в которое были интегрированы и традиционализм, и Консервативная Революция, и геополитика, и цивилизационные теории.

Итальянский философ Карло Тетраччано писал, что "евразийство = Эвола + ядерное оружие". Здесь критика западной цивилизации Модерна и тезис о необходимости восстановления против современного мира сочетаются с русской славянофильской мыслью и с ядерным потенциалом великой сухопутной державы.

Так неоевразийство сформулировало интегральный образ России — по ту сторону идеологии, истории, России вечной. Это Россия, вписанная в неизменное сакральное пространство, Россия как Heartland. И отдельные черты этого вечного архетипа проступают и сквозь монархический период, и сквозь советский режим, и сквозь современную Российскую Федерацию. Таким образом, программа "восстания против современного мира" покидает область романтических грёз консерватора и замыкается на конкретное существование политического феномена — реально существующей России с ядерным оружием, огромной территорией и несметными природными богатствами. Сознав себя субъектом мировой истории, а не просто пародией на Запад, безнадёжно отставшей в развитии провинцией (как видит Россию либералы и западники), русские входят в своё метафизическое наследие и основывают свою миссию на сочетании трансцендентных идеалов идеократии и

громадного силового потенциала. Ясно, что при таком повороте неоевразийство становится настоящим опасным, и для Запада вечер, как сейчас принято говорить, "переставёт быть томным".

Мы переходим от экзотической ностальгии по "золотому веку" и романтических проектов Нового Средневековья к планированию стратегии великой державы и её обороной и наступательной политики в Генеральном штабе. И вот уже от Гегена и конца кали-юги мы переходим к обсуждению с влиятельными и высокопоставленными военными и гражданскими лицами интеграции постсоветского (имперского) пространства в Евразийский Союз.

Если речи о "кризисе современного мира" или тонкие философские построения Хайдеггера могут показаться "заумью", то вот наши баллистические ракеты, наше новое оружие, "Крым наш" или активное поведение на Кавказе, или отношения с Турцией на Ближнем Востоке и в целом нарастающее противостояние Западу — это уже совсем не "ботаника", совсем не смешно и не абстрактно. Это вполне конкретно.

Для меня всё это и есть неоевразийство. Это не разрозненные вещи, а градиенты одного и того же цельного мировоззрения, выстроенного иерархически от высшего, метафизического уровня через философский, к геополитическому и конкретному политическому. Ницше снабдил свою книгу "Сумерки идолов" (Götzen-Dämmerung) подзаголовком "как философствуют молотом" (Wie man mit dem Hammer philosophiert). Неоевразийство могло бы быть определено, перефразируя Ницше: "как философствуют баллистическими ракетами".

Неоевразийство является переходом от метафизики и философии, которые были далеко не чужды основателям евразийства, к практическим вопросам геополитики, внешней политики, стратегии и обороны.

Почему собственно Запад так взвился в своё время от "Основ Геополитики"? Напомню контекст. В начале девяностых годов, когда идеологическое (то есть коммунистическое) обоснование субъектности СССР исчезло, и реформаторы во главе с Ельциным и его шпionsким окружением (либералами, продажными агентами влияния Запада, коррупционерами) стали воспринимать РФ как часть единого глобального мира, наши военные круги, наши силовики оказались совершенно растерянными. Они понимали, что идти на поводу Запада никак нельзя, видели, что НАТО продолжает расширяться, чувствовали, что надо что-то этому натиску противопоставить, а идеологии не было. И тут геополитика, прежде всего мои лекции и выступления в Академии Генерального штаба, мои беседы с силовиками, мои тексты и статьи, сыграли очень важную роль. Они заполнили стратегический пробел в сознании. С этого момента геополитика стала своего рода "параллельной идеологией" российского Deep State — военных, силовых, патриотических кругов. Противостояние Land Power/Sea Power, Суша/Море, евразийство/атлантизм прекрасно и наглядно объясняло существующее положение дел — причём по ту сторону какой бы то ни было идеологии.

В конечном итоге с приходом Путина это параллельное — геополитическое, евразийское — оборонное сознание было легализовано. Пусть частично, попопичнато, но легализовано. И далее "вечер совсем перестал быть томным", потому что 4ПТ, традиционализм и Консервативная Революция сомкнулись в евразийской геополитике — пусть даже во вполне прагматическим соображениям (необходимость иметь непротиворечивую стратегическую модель в ответ на непрекращающееся давление Запада) — с практической политикой.

Когда я выступал в 2005 году в США в Университете Джонса Хопкинса (Балтимор), представляя меня, известный специалист по Центральной Азии и Ближнему Востоку профессор Фредерик Старр (он, кстати, сказал, что когда-то играл на саксофоне в "Поп-Механике" Сергея Курёхина) сказал: "Давайте посмотрим, что писал Дугин в девяностые или даже ещё в конце восьмидесятых, и что делает Путин в двухтысячные...". И список был настолько впечатляющим, что все присутствующие в зале — а зал был полон, включая представителей Госдепа, Конгресса и разных силовиков — широко разинули рот. "После этого не будем спрашивать, какие влияния Дугин имеет на Кремль, потому что сам он никогда не отвечает на этот вопрос. И так всё понятно. Просто сравним два столба — теоретические ("империалистические" и "реваншистские") тезисы Дугина с конца 80-х и реальные шаги Путина в 2000-е. В левой колонке Дугин, в правой колонке Путин. Найдите различия..."

Это было 2005 году. Я сейчас под санкциями после Крыма и Русской весны, в Америку мне въезд закрыт. За мою "опасную" философскую жизнь, я плачу вполне конкретную цену. Но представим себе фантастический сценарий, что меня пригласили снова в 2021 году читать лекцию в том же Университете Хопкинса. Представьте, насколько существенно список совпадений в обеих колонках расширился бы. Уже 15 лет назад он был очень длинный. Теперь же туда надо прибавить уже описанные в "Основах Геополитики" события августа 2008 года на Южном Кавказе, Крымский сценарий, отделение Новороссии, появление право-левого популизма в Европе и многое другое — наше сближение с Ираном, возвращение на Ближний Восток, нашу политику в отношении Турции, Ливии, Сирии и т.д. Вообще-то, осталось бы меня только задержать в Америке на как можно более долгий срок, чтобы остановить рост этих соответствий и как-то предотвратить движение по ещё пока нереализованным пунктам "What to do". А в программе — конец глобализации, уничтожение либеральной идеологии, падение гегемонии Запада, выход Турции из НАТО, а затем и полный роспуск этой организации, всемирная победа Консервативной Революции и 4ПТ, установление многополярного мира, возрождение великого Евразийского Союза и других полностью независимых от Запада "больших пространств", планетарный триумф цивилизации Суши. "Stop it! Now!" — возопил бы зал Университета Хопкинса в 2021 году.

Но этого не произойдёт. И в каком-то смысле уже поздно. "Основы геополитики" написаны — причём ещё в начале 90-х годов.

Конечно, я многое пересмотрел и скорректировал с того времени. У меня существенно изменилось отношение к Турции, к Китаю, отчасти к Азербайджану — после того, как я более внимательно изучил трансформации их политики в последние десятилетия.

Но "опасность" евразийской геополитики и "евразийских геополитиков" для Запада не сокращается, напротив — возрастает. Моё участие в разном рода геополитических процессах, мои встречи, консультации, обмен мнений с руководством различных государств, с интеллектуальными элитами, стратегическими экспертами разных стран — всё это продолжается.

При этом интересно, что у людей, которые на Западе (и не только на Западе) меня ненавидят, считают меня "врагом человечества" (а я, на самом деле, являюсь врагом человечества — но не всего, а только либерального и, шире, современного, — ведь в Новом времени меня вообще ничего не устраивает), уживаются два взаимоисключающих мнения на мой счёт: "Это очень влиятельный человек, он предельно опасен, он связан со множеством центров принятия решений" и одновременно: "Он

полный маргинал, он никому не известен, он вообще ни на что не влияет". И такое раздвоение не у разных людей, а часто у одних и тех же. Почти в каждой фразе, описывающей меня и мои идеи, если внимательно присмотреться, мы найдём логическое противоречие.

Меня представляют одновременно маргиналом, никому не известным человеком, эксцентричным фантазёром, не имеющим никаких выходов на серьёзные инстанции и высказывающим экстравагантные никому не понятные гротескные идеи, но эта "маргинальная", "ничтожная" личность почему-то влияет на большую геополитику — на стратегические решения Кремля, на европейский и американский популизм, на антиимпериализм Латинской Америки, на Иран, Турцию, арабский регион и т. д. Что показательно, они произносят взаимоисключающие оценки на одном дыхании. И отчаянно пытаются построить меня в какой-то понятный для них карикатурный образ — "экстремиста", "сталиниста", "националиста", "империалиста" и ещё похуже.

Однако моя философия будет посложнее, чем эти пустые штампы.

Я заметил в этом отношении следующее. В стане либералов, кичащихся своим интеллектуализмом, на самом деле умов-то и нет. Не знаю, чем это объяснить — то ли от лени, то ли от мнимой тотальности их победы, но либералы просто не могут найти в своём лагере интеллектуалов, способных вести достойный диалог.

Вот либеральный think tank Nexus год назад в Амстердаме устроил "дебаты века" между мной и ультралиберальным философом, убеждённым и открытым глобалистом и атлантистом Бернар-Анри Леви. Но ничего осмысленного из этого не получилось. Оказалось, Бернар-Анри Леви не только толком моих книг (а на французский переведено немало моих произведений), но даже своей собственной книги — "Империя и пять королей" — не читал. Я могу допустить, что он её не писал, он слишком крупный общественный деятель и состоятельный человек для этого, мог и нанять кого-то, но уж читать-то он её должен был бы... Кстати, в целом неплохая, там есть ряд вполне верных замечаний — хотя и с позиции глобальной гегемонии. Самое важное — автор (Леви или не совсем Леви) замечает, что "Империя" (так в книге называется глобальный либеральный миропорядок, тотальная доминация глобалистов, модернистский и постмодернистский Запад в целом) в последние годы — начиная уже с Обамы (=Горбачёв) и особенно при Трампе (=Ельцин) стремительно разваливается, сокращает своё присутствие в мире и эффективность своего контроля. Параллельно этому "испарению либеральной Империи" происходит подъём пяти альтернативных центров — цивилизаций-полюсов: России, Китая, Ирана, Турции и Саудовских Аравии. Это и есть 5 королей или 5 бывших Империй — Российской/Советской, Китайской, Персидской, Османской и арабской Халифата. Так бывшие Империи стремятся возродиться и вернуться в историю за счёт распада настоящей Империи. Автор сожалает об этом и призывает "Империю" сойтись с силами и уничтожить Россию, Китай, Иран, Турцию и арабский мир, либо ставив их между собой, либо подорвав изнутри, либо нанеся по ним прямой удар. В принципе это и есть программа действий администрации Джо Байдена. Интересно, что там же в Амстердаме на том же крупном столе я познакомился с Энтони Блинкеном, который был представлен мне как высокопоставленный чиновник администрации Обамы. Сегодня, как мы знаем, он занимает должность госсекретаря США. Блинкен и Бернар-Анри Леви — единомышленники и на дебатах Nexus а выступали единым фронтом — против России и Китая, а также против... Трампа. Напомню, это происходило, когда Трамп был президентом США. Поэтому проект "Империи и пяти королей" отражает основу стратегии новой администрации Белого дома.

Возвращаясь к дебатам. Когда я начал говорить о книге Леви, оказалось, что Леви на это может ответить только каким-то заготовленным набором общих фраз. "Немцов. Политковская. Новиков. Скрипаль. Путин плохой. Крым — не ваш. Самый великий человек России был Солженицын". Когда я иронично поинтересовался: "И его антилиберализм, и его критика Запада и Модерна, и его "Двести лет вместе" тоже, вы считаете, правильно?" Он недоумевал: "А это что такое?" Явно его знания о Солженицыне ограничивались Википедией, каким-то условным обобщённым представлением об антисоветизме в целом. И это называется "интеллектуал"? Это называется "теоретик нового мирового порядка"? Емулень читать, лень думать, лень искать аргументы, лень даже поинтересоваться тем, что выходит под его авторством...

Я думаю, это от безкаказанности и полной, искусственно созданной либеральной диктатурой пустоты вокруг. Соратники "открытого общества" полностью упряднили критику — любой, кто ставит под сомнение их принципы, подвергается демонизации, остракизму, маргинализации, становится объектом сапел

culture и деплатформируется. Никто не имеет возможности открыть рот и возразить либералом. От этого они совершенно обнагтели и считают нас, всё человечество, которое отвергает глобализм, "недоумками", "утерменшами", "обезьянами", "неандертальцами", "пещерными жителями". Так что и не удивляйтесь даже подготовиться к дебатам. Это, конечно, всем сразу бросилось в глаза. Тем не менее, сами дебаты очень многие посмотрели. Они не стали дебатами века, так как либерал Леви высокомерно и снисходительно повторял набор банальностей, которые мы и так каждый день слышим из всех каналов и социальных сетей, контролируемых глобалистами. Мои же попытки перевести дискуссию на уровень философских оснований Леви парировал потоком оскорблений и нападок, переводя всё в плоскость очередного телешоу.

Хотя Леви приписал себе победу, потому что он громче кричал, ярче становился в картинные позы и провозглашал как актёр очень плохого провинциального театра: "Путин, верни Крым!", — но при этом он не ответил вообще ни на один вопрос по существу. Это был разговор на двух параллельных уровнях. Я пытался говорить с ним как с философом, а он говорил со мной как визжащий журналист на телешоу.

Сухой остаток этих дебатов — "самого опасного философа" в моём лице и самого либерального глобалиста (едва ли можно назвать его "самым безопасным философом", так как он как раз напрямую участвовал в убийстве Каддафи, натравливал курдов на турок, аплодировал бомбёжкам Белграда, призывал Саакашвили нанести ракетный удар по Цхинвалу и вдохвлял украинских неонацистов на Майдане) — был близок к нулю. Да, Леви в очередной раз подтвердил свою репутацию последовательного апологета однопольного мира, глобализации и западной гегемонии, прямого защитника западно-американской и вообще — Натовской Империи. Он осудил 5 королей (Россию, Китай, Турцию, Иран и Саудовскую Аравию), посотавал на пассивность США и призвал сплотиться вокруг Израйля. Но это он делал и раньше тысячи раз. В чём же состояли дебаты, диалог, обмен мнениями или защита полярных позиций?

Разговор в общем свёлся к тому, что каждый высказал свою позицию. При этом я высказал её на философском уровне, то есть так, как говорят философы, не повышая голос, не стремясь кого-то убедить в аудитории. Это, кстати, проходило в роскошной Амстердамской Опере, в присутствии нескольких тысяч зрителей, представивших в целом либеральную политическую и экономическую элиту Голландии. Конечно, они были заведомо на стороне Леви. То есть, попробовал бы он то же самое говорить в Ираке, Ливане, Сербии или Иране — я бы посомтрел, что бы от него осталось.

Тем не менее какая-то часть людей — конечно, меньшее количество — были и за меня. Я привёл свои аргументы, выразил мысли философским языком. А Леви "дал Сванидзе": "ничего и никого не слушаю, ничего не знаю, отдайте Крым, Путин — фашист, крупнейшими философами России являются Ходорковский, Навальный, Политковская и Немцов, они и есть Россия, а Достоевский — антисемит и черносотенец и т.д." — всё, больше у него никаких аргументов не было. По Леви, даже не столько я, и не столько русские, сколько все вообще вокруг — фашисты, вплоть до американцев, поддерживающих Трампа. Кроме него самого. Просто все. Кого вспомнил, он перечислил: Хайдеггер — фашист, Ницше — фашист, Трамп — фашист, Хантингтон — фашист, и так в периоде. Строго по Попперу — "Открытое общество и его враги". В этой книге Карла Поппера в "фашисты" или в "коммунисты" попадают все: от Платона и Аристотеля до Шеллгина и Гегеля, вообще — все. Кроме Поппера. С такими людьми — с либеральными маньяками — говорить невозможно.

"ЗАВТРА". Вот заголовок: "Meet the most dangerous man in the world: Paul Knott on Putin's fascist philosopher". И ещё: "The most dangerous replication of Rasputin". Всё-таки называть. И самым опасным человеком в мире и даже Распутным.

Александр ДУГИН. Да, "репликант Распутина". Ну, хорошо. К фигуре Распутина я отношусь с большим интересом. Он был голосом глубинного народа при последнем Императоре. Многие вещи — и даже в политике — своим глубоким мужицким земляным умом он понимал правильно. Его образ дискредитирован противниками, и показательно, что в его убийстве — как и в убийстве Императора Павла — принимали непосредственно участие англичане.

Но всё же сравнение явно нелепое. Я философ, и если мои идеи и влияют на политику Путина, то никак не через индивидуальный гипноз и не через прямую существию. Я оперирую парадигмами, семантическими полями. Это практика совсем другого рода.

"ЗАВТРА". Александр Гельевич, спасибо за беседу!

Беседовал Фёдор ШИМАНСКИЙ

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Тираж 23 000

Заказ № 1638-2021

Дата выхода в свет — 10.03.2021 г. Подписано в печать 09.03.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ